Воспитатель чувств

Новый фильм Вонга Кар-Вая вводит в моду романтическую любовь

ВИКТОРИЯ НИКИФОРОВА

СТУК ее каблуков по лестнице, завораживающие аккорды, каплями дождя падающие на асфальт, одиночество, ночь. «Хотите лапши?» — «Спасибо, я не голоден». Взгляды пересеклись, скользнули прочь, в темноту. Шелк ее платья. Блеск его глаз. Судорожный вздох в зрительном зале. Это «Любовное настроение», последний фильм Вонга Кар-Вая.

42-летний гонконгский режиссер начал там, где кончился Тарантино. «Чункинский экспресс» и «Падшие ангелы» были лихо смонтированными историями встреч и не встреч, недоразумений, потерь. К середине фильма герой тонет в людском море, к финалу выныривает из него вновь — такой же одинокий, свободный, ничей. За то время, что мы его не видели, мы успевали заглянуть еще в полдюжины чужих жизней, и в каждой из них было на что посмотреть. Камера враскачку прогуливалась за героями. Назойливый мотивчик крутился поодаль, не отставал. Сумасшедший колорит заставлял подозревать, что оператор Кристофер Дойл перебрал ЛСД. Этот Кар-Вай был моментально назван гонконгским Тарантино, обласкан кинофестивалями, увенчан славой. Дальше началось совсем другое кино.

Кар-Вай первым из современных режиссеров перестал складывать фильмы, как пазлы, из разных, остроумно пересекающихся сюжетов. Он рискнул рассказывать истории, простые, как жизнь. С тех пор пересказывать его ленты — пустое занятие. Например, «Счастливы вместе» — это история двух геев, махнувших из Гонконга в Буэнос-Айрес. Одному все надоело, другой пытался его удержать. Не удержал. Вернулся — словно и не заметив путешествия на другой конец света — в Гонконг. Остался один. Все.

И эта ерунда, не имеющая к тебе вроде бы никакого отношения, врезается в память сразу и навсегда. Нелепые разборки «Почему ты не пришел?!» — «Не хотел». — «Ты меня не любишь!», ожидание под дождем, дурацкая драка, тоска, — вся мелочь человеческих отношений надежно сохраняется на экране. Вместе со своими героями Вонг Кар-Вай перебирает ее — оттенки взглядов, пустяковые обиды, нищее счастье, дым дешевой сигареты — и придает ей небывалую цену. Фильм снят с тем же патетическим размахом, что и прежние ленты Кар-Вая. Но здесь картинка впервые перестает быть самодостаточной. Простая человеческая боль пронизывает вагнеровские закаты Кристофера Дойла, и мы, забыв поражаться операторским трюкам, ловим забытый кайф от сопереживания актерам.

«Счастливы вместе» своеобразный тур-де-форс. Первая сцена происходит в постели, снята она достаточно откровенно. Это сделано только затем, чтобы через пять минут мы забыли про гейскую тему и до кон-

ца фильма о ней не вспомнили. Дело не в том, что и режиссер, и его актеры по жизни любят женщин. Вонг Кар-Вай сделал фильм про гомосексуалистов так, чтобы его мог смотреть любой человек, независимо от пола, возраста и сексуальной ориентации, вздыхать и приговаривать: «Вот и у меня так было».

В «Любовном настроении» нет даже экзотического антуража и нестандартных любовных пар. Все более чем банально. Он — начинающий писатель, она — секретарша. Его жена изменяет ему с ее мужем. Они об этом догадываются. Больше ничего в фильме не происходит. Только медленные встречи, неловкие переглядывания, суховатые разговоры. Мэгги Чун меняет туалеты, вежливо улыбается, разрывает сердце своему возлюбленному одним движением подрированной брови. Тони Люн мужественно хмурится, влажно смотрит ей вслед, сжимает губы, пытаясь удержать единственно верные и совершенно невозможные слова. Их супругов мы не видим — камера пытливно глядится только в лица героев, подмечая каждую тень страдания, каждый просвет надежды.

Мельчайший жест кар-ваевских актеров моментально становится достоянием вечности. Они возрождают каноны элегантности, давно забытые в кинематографе. Их харизме могли бы позавидовать Вивьен Ли и Хамфри Богарт. Камера Дойла обожествляет Мэгги Чун и Тони Люна, придавая им невесомую сновидческую грацию, заставляя само время замедлять свой бег. Гипнотическая музыка Мишеля Галассо превращает в волшебство любой проход. Замурзанные лестницы, скучная толчея в коммуналке, лужи на асфальте, — все это показано через оптику влюбленности. Банальная жизнь словно светится изнутри. Кар-Вай вновь открыл давно забытый эффект. Так не снимали со времен Марлен Дитрих и Штернберга, Дэвида Лина и Альфреда Хичкока.

Вместе с романтическим гламуром кинематографа 30–40-х Вонг Кар-Вай вводит в моду платоническую любовь. После «Любовного настроения» хочется научиться так же меланхолично закуривать, как Тони Люн, так же носить облегающие платья, как Мэгги Чун. Писать длинные письма. Вздыхать о незнакомце, не делая никаких попыток с ним познакомиться. Тосковать в разлуке. Прощаться навсегда. Предаваться безумству из любви к процессу, не рассчитывая на результат.

Как всякий великий режиссер, Кар-Вай перестраивает что-то в самой психофизике своих зрителей. Меняя нас, «Любовное настроение» меняет само время. В этой таинственной и неотразимой ленте приходит к концу рациональный XX век. После нее Маркс и Фрейд больше не работают. Остаются только капли дождя на бледной руке, отсвет фонаря в расширившемся зрачке. «Хотите лапши?» — «Спасибо, я не голоден».